

Л.Д. Блок

**И были и небылицы о Блоке
и о себе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Л11

Л11 **Л.Д. Блок**
И были и небылицы о Блоке и о себе / Л.Д. Блок – М.: Книга по Требованию, 2021. – 106 с.

ISBN 978-5-458-24964-5

В книге воспоминаний «И были и небылицы о Блоке и о себе» Любовь Дмитриевна рассказывает о своей жизни и любви к поэту А. Блоку. Рассказы от первого лица о самом близком и дорогом для Блока человеке его единственной жены - не могут не вызывать интереса как яркое и подлинное свидетельство жизни великого поэта.

ISBN 978-5-458-24964-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

волистов символизм недовоплощен".⁵

"Были и небылицы" дают неожиданно конкретный и парадоксальный комментарий к "Стихам о Прекрасной даме" и позднейшей лирике Блока. Демонстрация "двуплановости" литературно-бытовых и семейных аспектов символистской эпохи превращает мемуары Л.Д.Менделеевой-Блок в один из наиболее авторитетных документов мемуарного фонда русского символизма.

⁵ В.Ф.Ходасевич. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1954, стр. 155-156 /статья "О символизме", 1928/.

Когда писатель умер, мы болеем о нем не его скорбью. Для него нет больше скорби, как отдаться чужой воле, сломиться.

Ни нужда, ни цензура, ни дружба, ни даже любовь его не ломали, он оставался таким, каким хотел быть. Но вот он беззащитен, он скован землей, на нем лежит камень тяжелый. Всякий критик мерит его на свой аршин и делает таким, каким ему вздумается. Всякий художник рисует, всякий лепит того пошляка или глупца, какой ему по плечу. И говорит - это Пушкин, это Блок. Ложь и клевета! Не Пушкин и не Блок! А впервые покорный жизни, "достоянье доцента", "побежденный лишь роком"¹...

Мне ль умножать число клеветников! Ремесленным пером говорить о том, что не всегда давалось и гениальному перу? А давно уж твердят, что я должна писать о виденном. Я и сама знаю, что должна - я не только видела, я и смотрела. Но чтобы рассказать виденное, нужна точка зрения, раз виденное воспринималось не пассивно, раз на него смотрела. Годятся ли те прежние точки зрения, с которых смотрела? Нет, они субъективны. Я ждала примиренности, объективности, историзма. Нехорошо в мемуарах сводить счеты со своей жизнью, надо от нее быть уже отрезанным. Такой момент не приходит. Я все еще живу этой своей жизнью, болею болью "незабываемых обид"², выбираю любимое и нелюбимое. Если я начну писать искренно, будет совсем не то, что в праве ждать читатель от мемуаров жены Блока. Так было всю жизнь.

"Жена Ал.Ал. и вдруг...!" - они знали, какая я должна быть, потому что они знали, чему равна "функция" в уравнении - поэт и его жена. Но я была не "Функция", я была человек, и я-то часто не знала, че-

му я равна, тем более чему равна "жена поэта" в пресловутом уравнении. Часто бывало, что нулю; и так как я переставала существовать, как функция, я уходила с головой в свое "человеческое" существование.

Упоительные дни, когда идешь по полуразвалившимся деревянным мосткам провинциального городка, вдоль забора, за которым в ярком голубом небе набухают уже почки яблонь, залитые ясным солнцем, под оглушительное чириканье воробьев, встречающих с неменьшим восторгом, чем я, эту весну, эти потоки и солнца, и быстрых вод тающего, чистого не по-городскому снега. Освобождение от сумрачного Петербурга, освобождение от его трудностей, от дней, полных неизбывным пробиранием сквозь пути. Легко дышать, и не знаешь, бьется ли твое сердце как угорелое, или вовсе замерло. Свобода, весенний ветер и солнце...

Такие и подобные дни - маяки моей жизни; когда оглядываясь назад, они заставляют меня мириться со многим мрачным, жестоким и "несправедливым", что уготовила мне жизнь.

Если бы не было этой сжигающей весны 1908 года, не было других моих театральных сезонов, не было в жизни этих и других осколков своеволия и самоутверждения, не показалась ли бы я и вам, читатель, и себе жалкой, угнетенной, выдержал ли бы даже мой несокрушимый оптимизм? Смирись я перед своей судьбой, сложа руки, какой беспомощной развалиной была бы я к началу революции! Где нашла бы я силы встать рядом с Блоком в ту минуту, когда ему так нужна оказалась жизненная опора?

Но какое же дело до меня читателю? С теми же поднятыми недоуменно бровями, которыми всю жизнь встречали меня не "функцию" все "образованные люди" /жена Блока и вдруг играет в Оренбурге?!/, встретил бы и

всякий читатель, все, что я хотела бы рассказать о своей жизни. Моя жизнь не нужна, о ней меня не спрашивают! Нужна жизнь жены поэта, "функция" /умоляю корректора сделать опечатку: фикция!/, которая, повторяю, прекрасно известна читателю. Кроме того, читатель прекрасно знает и что такое Блок. Рассказать ему про другого Блока, каким он был в жизни? Во-первых, никто не поверит; во-вторых, все будут прежде всего недовольны - нельзя нарушать установившихся канонов. И я хотела попробовать избрать путь даже как будто и подсказанный самим Блоком: "свято лгать о прошлом..."³ "я знаю, не вспомнишь ты, святая, зла"... Комфортабельный путь. Комфортабельно чувствовать себя великодушной и всепрощающей. Слишком комфортабельно. И вовсе не по-блоковски. Это было бы в конец предать его собственное отношение и к жизни и к себе, а по мне, и к правде. Или же нужно подняться на такой предел отрешенности и святости, которых человек может достигнуть лишь в предсмертный свой час или в аналогичной ему подвижнической схеме. Может быть, иногда Блок и подымал меня на такую высоту в своих просветленных строках. Может быть, даже и не ждал такой меня в жизни в минуту веры и душевной освобожденности.

Может быть, и во мне были возможности такого пути. Но я вступила на другой, мужественный, фаустовский. На этом пути если чему я и выучилась у Блока, то это беспощадности в правде. Эту беспощадность в правде я считаю, как он, лучшим даром, который я могу нести своим друзьям. Этой же беспощадности хочу я и для себя. Иначе я написать и не смогу, да и не хочу и не для чего.

Но, дорогой читатель, но в Ваших интересах знать, кто пишет и как он берет жизнь? Это необходимо в целях "критических", необходимо, чтобы оценить удель-

ный вес рассказов пишущего. Может быть, и согласуем наши интересы? Дайте мне поговорить и о себе; так вы получите возможность оценить мою повествовательную достоверность.

И еще вот что: я не буду притворяться и скромничать. В сущности ведь всякий, берущийся за перо, тем самым говорит, что он считает себя, свои мысли и чувства интересными и значительными. Жизнь меня поставила, начиная с двадцатилетнего возраста, на второй план, и я этот второй план охотно и отчетливо приняла почти на двадцать лет. Потом, предоставленная самой себе, я постепенно привыкла к самостоятельной мысли, т.е. вернулась к ранней моей молодости, когда я с таким жаром искала своих путей и в мысли, и в искусстве. Теперь между мной и моей юностью нет разрыва, теперь вот тут, за письменным столом, читает и пишет все та же, вернувшаяся из долгих странствий, но не забывшая, не потерявшая огня, вынесенного из отчего дома, умудренная жизнью, состарившаяся, но все та же Л.Д.М., что в юношеских тетрадях Блока. Эта встреча с собой на склоне лет - сладкая отрада. И я люблю себя за эту найденную молодую душу, и эта любовь будет сквозить во всем, что пишу.

Да, я себя очень высоко ценю - с этим читателю придется примириться, если он хочет дочитать до конца; иначе лучше будет бросить сразу. Я люблю себя, я себе нравлюсь, я верю своему уму и своему вкусу. Только в своем обществе я нахожу собеседника, который с должным / с моей точки зрения / увлечением следует за мной по всем извилинам, которые находит моя мысль, восхищается теми неожиданностями, которые восхищают и меня, активную, находящую их. Дорогой читатель! Не бросайте в негодование под стол это наглое хвастовство. Тут есть пожива и для вас. Дело в том, что те-

перь только, встав смело на ноги, позволив себе и думать и чувствовать самостоятельно, я впервые вижу, как напрасно я смирила и умалила свою мысль перед миром идей Блока, перед его методами и его подходом к жизни. Иначе быть не могло, конечно! В огне его духа, осветившего мне все с такою несоизмеримой со мною силой, я потеряла самоуправление. Я верила в Блока и не верила в себя, потеряла себя. Это было малодушие, теперь я вижу. Теперь, когда я что-нибудь нахожу в своей душе, в своем уме, что мне нравится самой, я прежде всего горестно восклицаю: "Зачем не могу я отдать это Саше!" Я нахожу в себе вещи, которые ему нравились бы, которые он хвалил бы, которые ему иногда могли бы служить опорой, так как в них есть твердость моего основного качества - неизбывный оптимизм. А оптимизм как раз то, чего так не хватало Блоку! Да, в жизни я, как могла, стремилась оптимизмом свои рассеивать мраки, которым с каким-то ожесточением так охотно он отдавался. Но если бы я больше верила в себя! Если бы я уже тогда начала культивировать свою мысль и находить в ней отчетливые формы, я могла бы отдавать ему не только вдохновительную свою веселость, но и противоядие против мрака мыслей, мрака, принимаемого им за долг перед собой, перед своим призванием поэта. И тут и ошибка его, и самый мой большой в жизни грех. В Блоке был такой же источник радости и света, как и отчаяния и пессимизма. Я не посмела, не сумела против них восстать, противопоставить свое, бороться. Замешалось тут и трудное жизненное обстоятельство: мать на границе психической болезни, но близкая и любимая, тянула Блока в этот мрак. Порвать их близость, разъединить их - это я не могла по чисто женской слабости: быть жестокой, "злоупотребить" молодостью, здоровьем и силой - было бы безобразно, было бы в глазах всех злом. Я недостаточно в себя верила, недостаточно зрело лю-

била в то время Блока, чтобы не убояться. И малодушно дала пребывать своему антагонизму со свекровью в области мелких житейских неувязок. А я должна была вырвать Блока из патологических настроений матери. Должна была это сделать. И не сделала. Из потери себя, из недостатка веры в себя.

Так вот теперь, когда мне остается только возможность рассказать, когда уже все непоправимо, пусть я буду говорить о себе с верой. Все равно, когда я пишу, я как будто все это читаю ему. Я знаю, что ему нравится, и несу ему то, что ему нужно. Читатель! За это вы должны мне многое простить, ко многому прислушаться. Может быть, в этом смысл моих "дерзаний". Пусть это будет новый, окольный способ рассказать о Блоке. И вот еще что приходит мне в голову. Я была по складу души, по способу ощущения и по устремленности мысли другая, чем соратники Блока эпохи русского символизма. Отставала? В том-то и дело, что теперь мне кажется - нет. Мне кажется, что я буду своя в ней и почувствую своей следующую, еще не пришедшую эпоху искусства. Может быть, она уже во Франции. Меньше литературщины, больше веры в смысл каждого искусства, взятого само по себе. Может быть, от символизма меня отделяло все же какая-то нарочитость, правда, предпринятая борьбой с предшествующей эпохой тенденциозности, но был он гораздо менее от этой же тенденциозности свободен, чем того хотел бы, чем должно искусству большой эпохи. Вот о чем я и скорблю: если бы я раньше проснулась /Саша всегда говорил: "Ты все спишь! Ты еще совсем не проснулась..."/, раньше привела в порядок свои мысли и поверила в себя как сейчас, я могла бы противопоставить свое затягивающей литературщине и бодлеризму матери. Может быть, он и ждал чего-то от меня, ни за что не желая бросать нашу общую жизнь. Может быть, он и ждал от меня... Но, я чувствую, читатель уже задыхается от негодования: какое самомне-

ние!.. Не самомнение, а привычка. Мы с Блоком так привыкли нести друг другу все хорошее, что находили в душе, узнавали в искусстве, подсматривали у жизни или у природы, что и теперь, найдя какую-то ступеньку, на которую подняться, как вы хотите, чтобы я не старалась нести ее ему? А раз я теперь одна, как могу я не горевать, что это было не раньше?

Но вот еще большая трудность: как убедить читателя, что не ц и н и з м заставил меня говорить о вещах, о которых говорить не принято, а глубокая уверенность в их решающем жизненном значении?

Я никогда не могу согласиться с тем, что цинично говорить обо всем этом, говорить об этих грозных подводных рифах, о которые корабли разбиваются и тонут... Если до Фрейда еще умудрялись отбрасывать эту сторону жизни, ставить ширмы, затыкать уши, закрывать глаза даже в такой просвещенной среде, как та, в которой я вращалась, то как можно теперь надеяться дать хоть сколько-нибудь правдивый анализ событий, мотивировку их, если мы будем оперировать одной "приличной", показной - висящей в воздухе - "психологией"?

Еще виноваты тут мои чтения - я до сих пор слежу за западной литературой. А западная литература последних лет так приучила читать подробные и неприкрытые анализы самых сокровенных моментов любовной близости, что чувство условной меры уже потеряно. Особенно потому, что пишут так несомненно большие художники /хотя бы прекрасный роман Жюль Ромена ⁴ /, создающие стиль своей эпохи. Не говорить открыто о том, в чем видишь основной двигатель дальнейших событий уже кажется ханжеством и лицемерием. И я буду говорить о сторонах жизни, о которых говорить не принято, зная почти наверняка, что буду обвинена в цинизме. Но я глубоко убеждена - или вовсе не писать, или писать то, о чем думаешь. В таком случае есть хоть какой-то шанс сказать

близкое к правде, т.е. нужное. Если же просеивать сквозь ситечко "приличий" - все шансы за то, что настрочишь бесполезную невнятицу.

О день, роковой для Блока и для меня! Как был он прост и ясен! Жаркий, солнечный, июньский день, расцвет московской флоры. До Петрова дня еще далеко, травы стоят еще не кошенные, благоухают. Благоухает душица, легкими, серыми от цвета колосиками обильно порошащая траву вдоль всей "липовой дорожки", где Блок увидел впервые ту, которая так неотделима для него от жизни родных им обоим холмов и лугов, которая так умела сливаться со своим цветущим окружением. Унести с луга в складках платья запах нежно любимой, тонкой душицы, заменить городскую прическу туго заплетенной "золотой косой девичьей" ⁵, из горожанки перевоплотиться сразу по приезде в деревню в неотъемлемую часть и леса, и луга, и сада, инстинктивно владеть тактом, умением не оскорбить глаз какой-нибудь неуместной тут городской ухваткой или деталью одежды - это все дается только с детства подолгу жившим в деревне, и всем этим шестнадцатилетняя Люба владела в совершенстве, бессознательно, конечно, как, впрочем, и вся семья.

После обеда, который в деревне кончался у нас около двух часов, поднялась я в свою комнату на втором этаже и только что собралась сесть за письмо - слышу: рысь верховой лошади, кто-то остановился у ворот, открыл калитку, заводит лошадь и спрашивает у кухни, дома ли Анна Ивановна? ⁶ Из моего окна ворот и этой части дома не видно; прямо под окном пологая, зеленая